

Корейские чины и чиновничество в русских текстах (на материале переводов с корейского)

© кандидат филологических наук Е.Н. Филимонова, 2011

«Если помыслы твои обращены к нравственному совершенству, то никакая высокая должность не сможет совратить душу. Помышляя же о чинах и богатстве, избежать этого невозможно»
(Цзинь Цай-чжи)

Деление людей на социальные группы и сословия, их положение в иерархии государственной службы древней феодальной Кореи отражены в средневековых и более поздних произведениях корейских авторов. Вопрос о структуре *служилых слоев* и их месте в общей социальной структуре имеет первостепенное значение для таких государств, как Корея, поскольку в обществах, подобных корейскому, социальный статус человека полностью обуславливался его местом в государственной структуре, в структуре власти (см. об этом [Волков 1987: 4]).

В центре внимания данной статьи *служилые слои – чиновничество и аристократия*, тесно связанные между собой и образовавшие господствующий класс средневекового корейского общества, их занятия, привилегии, экзаменационная система, как способ комплектования *чиновничества* в традиционной дальневосточной системе, правила занятия *должностей*, моральные принципы, бытовавшие в Корее того времени и др.

Социальная иерархическая лестница древней феодальной Кореи

Чиновничество, ставшее особым социальным слоем, имело свою иерархию. Основным показателем положения *чиновника* всегда был цифровой *ранг* (по *рангам* были распределены и все *должности* в государственном аппарате). *Ранг* имел важнейшее структурообразующее значение, поскольку именно к нему были привязаны *должности*, каждая из которых соответствовала определенному *рангу* и классу (см. [Волков 1999: 72]). Основой традиционной дальневосточной *чиновно-ранговой системы* всегда была иерархия девяти *рангов*, которые в свою очередь делились на два класса каждый, и всего, следовательно, имелось восемнадцать градаций. Однако в трех корейских государствах раннего средневековья существовали различные системы *рангов*: в Когурё – 12, в Пэкче – 16, в Силла – 17 *рангов* (см. [Волков 1999: 72-73; 80]).

В средневековой Корее *чиновничество* состояло из аристократии, а также пополнялось самыми различными путями. «Господствующим сословием являлось дворянство – *янбаны* (гражданские и военные *чиновники*, консолидированные в государственную бюрократию)» [Ионова 1982: 35]. Свободные крестьяне-*янгины* допускались к сдаче экзаменов на *чин*, и из них в значительной степени пополнялись ряды низшего *чиновничества*. Пополняло ряды *чиновничества* и сословие *чуньинов* (прослойки детей *янбанов* от наложниц), однако для его представителей существовали ограничения по служебному продвижению (см. [Волков 1987: 18, 180]).

Аристократия (*янбаны*) в традиционной дальневосточной системе обычно представляла собой слой лиц, обладавших *рангами* в силу своего происхождения; это, как правило, были родственники правящего дома. Такие лица, не неся обязанностей действительной службы, были формально равны полному *ранговому чиновничеству*, так как их наследственные *титулы* соответствовали одному из общегосударственных *рангов* (см. [Волков 1999: 176]). Обычно за аристократией (родственниками правящей династии) закреплялись все высшие *должности*, она составляла высший слой *чиновничества*. В подтверждение приведем пример из художественной литературы:

«В уезде Чхольсан провинции Пхёнан жил человек по имени Пэ Муён. Потомственный *янбан*, он всю жизнь провел в *должности правителя волости* и слыл человеком благородным и состоятельным» («Верная Чхунхян» 1990, 303).

В текстах переводов с корейского описываются различные занятия корейских дворян:

«Занятий у дворян множество. Одни изучают науки – их называют учеными. Другие состоят на государственной службе – их называют *чиновниками*. Третьи ищут истину и совершенствуют себя – их называют философами. Есть военные дворяне – восточный клан, и есть гражданские дворяне – западный клан» («История цветов» 1991, 588-590) Достойными альтернативными занятиями для корейского мужчины того времени также считались следующие:

«Читая книги и размышляя, стать известным ученым – это первое. Выдержав экзамен и получив *должность*, выполнять свой долг перед родителями – это второе. Если же все это он сделать не в состоянии, то самое лучшее – заняться хозяйством, добывать одежду и пищу отцу и матери, жене и детям – это третье. А это разве не достойное занятие?..» («Восточная новелла» 1963, 59).

Дворяне имели привилегии:

«Небо поделило всех людей на четыре сословия: дворян, крестьян, ремесленников и торговцев. Самые знатные из них – дворяне. Привилегии их обширны: они не пашут, не сеют, не торгуют, а только читают книги и пишут иероглифы, а потом сдают государственные экзамены на *должность*» («История цветов» 1991, 590-591).

Были даже разработаны правила поведения янбанов в обществе, зарегистрированные в тексте литературного произведения, некоторые из которых не потеряли актуальность, как нам кажется, и по сей день:

«Однако звание дворянина обязывает его строго соблюдать следующие правила:

- служить благородным целям, не совершать низких поступков, во всем следовать примерам древних;
- вставать на рассвете, зажигать светильник, садиться ягодицами на пятки и, сведя глаза на кончик носа, декламировать «Рассуждения» Дун Лая – да так, чтобы слова катились гладко, словно тыквы по льду;
- терпеть голод и холод, не жаловаться на бедность;
- не клацать зубами, не чесать в затылке, не харкать, не распускать слюни;
- по утрам протирать рукавом шляпу, дабы уберечь от пыли узоры на ней;
- умываясь, не тереть шумно ладони, рот полоскать беззвучно;
- ходить степенно, волоча туфли, в жару не снимать носки, служанку призывать протяжно;
- ежедневно переписывать «Избранные сочинения мудрецов» и «Танские стихи» мелким почерком – по сто иероглифов в строке, каждый иероглиф не больше кунжутного семени;
- не брать в руки денег, рис покупать, не торгуясь, не забивать скотину собственноручно;
- не скупиться при виде яств, не есть сырого лука, не стучать палочками для еды, словно пестом в ступе, не греть руки над жаровней;
- не обсасывать усы, выпив вина; не втягивать щеки, куря трубку;
- не колотить жену в гневе, не бить посуду в раздражении;
- не бранить слуг площадными словами; не оскорблять хозяина, если виновата его скотина;
- не звать шаманку ворожить больному, не приглашать монаха совершать жертвоприношения;
- не играть на деньги в азартные игры, не брызгать слюной при разговоре.

Если будет нарушено хоть одно из этих правил, надлежит явиться к правителю уезда и, дабы тот выслушал покаяние и назначил наказание» («История цветов» 1991, 589-590).

Власть *чиновников* была безгранична:

«Да знаешь ли ты, что заговор против королевской семьи карается четвертованием, а тот, кто насмехается над *чиновником* на государственной службе, наказывается как преступник, того же, кто не подчиняется приказам чиновника, отправляют в ссылку? Бойся смерти!» («Верная Чхунхян» 1990, 77).

Экзамены на чин

Комплектование *чиновничества* в традиционной дальневосточной системе осуществлялось тремя способами: экзамены, рекомендация, наследование, остальные имели меньшее значение (см. [Волков 1999: 81]).

Экзаменационная система – «визитная карточка» традиционной дальневосточной системы набора *чиновников* на службу. Впервые государственные экзамены были введены в государстве Силла весной 788 года (вместо испытаний по стрельбе из лука).

В зависимости от знания китайской классики вводились три *ученые степени*. Причем полное предпочтение вне степеней отдавалось тем, кто усвоил пять основных сочинений («Ицзин», «Шуцзин», «Шицзин», «Лицзи», «Чуньцю») и три истории («Ши цзи», «Хань шу» и «Хоу Хань шу»), а также знал другие китайские произведения (см. [Волков 1999: 87]). В Корё экзамены были восстановлены в 958 году. Они делились на гражданские и военные. Экзамены на получение *должности* происходили только в Сеуле пять раз в году. Экзамены на получение *ученых степеней* – *чинса* и *сэвон* – проводились раз в три года, причем сначала проводился предварительный экзамен – *чхоси*, на котором отбирались кандидаты на экзамен *хвэси* (*камси*) [Ким Ман Чжун 1961: 265; Ким Чегук 2004: 173]. «*Согва* и *тэгва* – “малый” и “большой” экзамены, фактически первые были экзамены на *степень*, вторые – на *должность*. Обычно между сдачей *согва* и *тэгва* проходило девять с небольшим лет» (см. [Волков 1999: 88]). «*Тондан* – внеочередной экзамен, устраивавшийся в Сеуле по случаю того или иного торжественного события (восшествия на престол нового короля и т. д.)» («Восточная новелла» 1963, 297).

Информация об этом встречается в художественном произведении:

«– ... Ты какие держал экзамены? // – Сдать экзамены на *ученую степень* нелегко! – ответил я. – Сначала я выдержал экзамен *тондан* – занял первое место, а затем был первым же на экзамене *камси*. Выдержал экзамен *чхоси*, но провалился на экзамене *хвэси*. Не зря говорят, что в провинции выдержать экзамен легко, а в столице трудно!.. // Пусть у тебя не хватает сил выдержать экзамен *тэгва*, но почему бы тебе не попытаться сдать *согва*? // – Экзамен *согва* я только что выдержал» («Восточная новелла» 1963, 58).

Кроме регулярных проводились дополнительные экзамены по случаю различных торжеств, а также несколько разновидностей особых (все они – без провинциального этапа):

«На экзамене *альсон* он занял первое место, впоследствии стал главой Государственного совета и получил титул *пувонгуна*» («Записки...» 1985, 41).

«*Альсон* – экзамен, который устраивался ваном после посещения храма Конфуция, расположенного на территории Сонгюнгуана – ведомства и высшей конфуцианской школы» («Записки...» 1985, 445).

Некоторые требования к экзаменам на *чин* нашли отражение в художественной литературе. Экзаменуемый должен был показать превосходное знание классических книг:

«Требовалось знать китайские классические книги “Сы-шу” и “У-цзинь”, уметь толковать в них неясные места...» («Восточная новелла» 1963, 297).

При сдаче государственных экзаменов на *чин* главную роль играли поэтический дар, умение писать сочинение на темы конфуцианских канонов, а также каллиграфические способности претендентов. В древней Корее выдающиеся каллиграфические способности были неотъемлемым средством для достижения наивысшей карьеры, прекрасный почерк был одним из самых основных и самых высоких требований, предъявляемых на государственных экзаменах, поэтому те, кто проходили экзамены на *чин*, обязательно должны были в совершенстве владеть невообразимо сложным искусством каллиграфии. Подтверждение этому находим в художественной литературе:

«– А ты послушай, как он умел сочинять, когда ему было всего восемь лет! – заговорил правитель. – В столице у нас во дворе росла старая слива. Я ему сказал: “Вот слива, напиши о ней стихи!” В одно мгновение все было готово, да к тому же написал так задумчиво, сумел искусно отобрать все хорошее, и без всяких усилий! Он станет блистательным мужем в Государственном совете! – Он прославит род... Он станет главой Государственного совета!» («Верная Чхунхян» 1990, 37-38); «Стихи он пишет, как Ли Бо, искусством каллиграфии владеет, как Ван Сиджи» («Верная Чхунхян» 1990, 91).

Подробное описание сложной и не совсем понятной для европейцев процедуры подготовки и проведения государственных экзаменов того времени в Корее отмечено у Сон Хёна (Сон Хён 1994: 45-47):

«При прежней династии для приема экзаменов заранее назначались только один *чигонго* (в приблизительном переводе означает ‘рекомендующий на службу выдержавших экзамен’. Это был главный экзаменатор в период Корё) и один *тонгонго* (сокращение от слова *тончжигонго*, экзаменатор, следующий за *чигонго*, второй экзаменатор)... Из Ве-

домства *чинов* государю подается список лиц, пригодных для принятия экзаменов. Государь выбирает наиболее достойных, ставя точку перед их именами. Получив приказ государя о назначении их экзаменаторами, эти лица разделяются и являются в места проведения экзаменов.

На рассвете экзаменационного дня у Самгвана собирают людей, намеренных держать экзамены. Поименно их вызывают одного за другим и вводят в *кёквон* ('специально огороженное, изолированное место, где производились экзамены на право занятия *государственной должности*') (Сон Хён 1994: 97). «*Супхёнгваны* ('временная *должность чиновника*, обыскивающего студента перед экзаменами'), разделившись по учреждениям Самгвана, стоят перед воротами и производят обыск одежды и сумок экзаменуемых. Если у студента обнаруживают какие-нибудь книги или записи, то его передают в руки *сунчжакгвана* ('*должность чиновника*, наблюдавшего за порядком при проведении экзаменов') и отстраняют от экзамена. Причем если незволенные материалы находят у студента за пределами экзаменационной площадки, то он лишается права держать экзамены на один срок, если же на экзаменационной площадке – то на два срока.

Еще до того, как посветлеет небо, экзаменаторы выходят из *тэчхон* ('главный зал учреждения, приемная, где рассматривались различные дела') и при пламени светильников так величественно рассаживаются по своим местам – ну прямо что твои небожители! Служители Самгвана входят на экзаменационную площадку, расстилают совершенно одинаковые циновки для экзаменуемых и тут же уходят. На рассвете вывешивается лист бумаги с названием темы сочинения. Затем, ближе к полудню, служители собирают экзаменационные свитки, ставят на них печати и передают в Самгван. После того они поднимаются на плоскую крышу с большими бокалами в руках и созывают *сонсэнов* (здесь: '*чиновник*'). Потом спускаются во двор, созывают *синнэ* (букв. 'вновь пришедший', 'именование лиц, только что выдержавших экзамены или назначенных на *должность*'), а также оглашают фальшивый список якобы выдержавших экзамен. Все это – старинный обычай.

К закату солнца барабанным боем торопят студентов и, когда сочинения закончены, их представляют *сугвонгвану* ('*чиновник*, собиравший письменные работы экзаменуемых'), который в свою очередь передает их *тоннокгвану* ('*чиновник-экзаменатор*, в обязанность которого входило прочтение всех письменных работ экзаменуемых и наблюдение за их переписыванием'). *Тоннокгван* ставит знаки на двух концах свитков, ставит печати на местах их разрыва и разрывает на две части: одна часть содержит написанное сочинение, а другая – запечатанное имя студента. *Поммигван* ('*чиновник*, обеспечивающий сохранение в тайне имя студента, написавшего данное сочинение') собирает части

свитков с запечатанными именами и удаляется в отдельное место. А *тоннокгван*, собрав переписчиков, велит им скопировать все сочинения красной тушью. Затем *садонгван* читает подлинник сочинения, а *чидонгван* при этом сличает его с текстом, переписанным красной тушью, и передает экзаменатору. Экзаменатор ставит за сочинение высокую или низкую оценку, после чего приказывает *поммигвану* вскрыть запечатанные части свитков с именами студентов, написать и вывесить список выдержавших экзамен.

По положению о чтении наизусть и толкованию отрывков из канонических книг делаются ярлыки с указанием мест цитирования из “Сы шу” и “У цзин”, соответствующие им ярлыки вкладываются в бамбуковую трубку. Экзаменуемый записывает название книги, отрывок из которой он хотел бы цитировать и толковать, подает запись экзаменатору. Экзаменатор наугад извлекает из трубки какой-нибудь ярлык. Если он, например, извлекает ярлык со знаком “небо”, находит в книге отмеченное место с этим знаком, велит студенту процитировать только основной текст и растолковать его. Студент читает наизусть основной текст и объясняет его. Затем экзаменатор задает вопросы и по комментарию. Присутствующие при этом *сори* (здесь, ‘нижние *чины* экзаменационной “комиссии”’) записывают себе за устный ответ студента одну из четырех оценок – *тхон* (отлично), *як* (хорошо), *чху* (посредственно), *пуль* (плохо) – и показывают свои оценки экзаменатору. Оценки – от низшей до высшей – *сори* выставляют после цитирования и толкования каждой книги. Экзаменатор же, последовательно сверяя по списку их оценки, берет наиболее высокие и из их числа выбирает низшую. Оценка, полученная за чтение наизусть и толкование канонических книг на начальной площадке, и оценки за сочинение на средней и конечной площадках суммируются, и выводится общая оценка.

Таким образом, знания экзаменуемых проверяются не одним человеком, люди на службу выбираются не одними руками» (Сон Хён 1994: 45-47).

В конце правления династии Корё в обход конкурса шли сыновья и внуки влиятельных лиц, так называемые «розовые младенцы с запахом молока на губах», которые будучи в детском возрасте, держали экзамены на право занимать *государственные должности*. Обычно они носили розовые курточки, называли таких претендентов «розовыми претендентами». Выражение *хонбунбан* («розовый список [лиц, выдержавших экзамен]») употреблялось иронически по отношению к тем, кто выдержал экзамены лишь благодаря принадлежности к влиятельным кругам или же благодаря соответствующим связям. Однако во время правления вана Сечжона порядок проведения экзаменов был изменен, и стала ис-

пользоваться китайская система (см. об этом (Сон Хён 1994: 97; 46)). Информация об этом содержится в художественном произведении:

«Но в год Чёна все дети влиятельных семейств, даже не достигнув пятнадцати лет, держали экзамены, и каждый из них получал *должности*» («Восточная новелла» 1963, 58).

В художественном произведении описаны почести, которых удостоивались победители, занявшие первое место:

«Княжич Чёк прошел сквозь человеческое море и вышел вперед к нефритовым ступеням. Сын неба... принял [его] и поднес [ему] вино. А после пожаловал [ему титул] *халлим хакса* – ученого мужа из государственной академии и вручил синее платье [чиновника] и цветок... Халлим Чёк почтительно благодарил Небо, а затем с музыкантами из “Грушевого сада” и парой зонтов – синим и красным впереди – сел на белую лошадь под золотым седлом // и выехал за ворота дворца» («Повесть о Чёк Сёные» 1996, 100); «Отличившимся вручают “красный листок”: бумажка невелика, но она источник всяческих благ, потому и называют ее “кульком изобилия”. Ну, а тот, кто провалился, к тридцати годам получает первую *чиновную должность* – если будет хорошо служить, то может дослужиться до *чина магистра* и даже до высокого *чина советника*» («История цветов» 1991, 590-591).

Все выдержавшие экзамены заносились в особые книги:

«– Экзамен *согва* я только что выдержал. // – Значит, ты должен быть занесен в Книгу года Чёна, – сказал гость. // – Я-то действительно занесен в Книгу года Чёна. А вот в какую книгу записан ты? // – В книгу выдержавших экзамен в честь Восшествия на престол, – сказал гость» («Восточная новелла» 1963, 58).

Правила занятия должностей в средневековой Корее

Успешная сдача экзаменов на *чин* отнюдь не означала автоматического зачисления на *должность*, многое зависело от происхождения сдавшего экзамен. Подтверждения находим в художественной литературе:

«– Я был бы рад служить вам, государь, всю жизнь, – ответил Кильдон, – но я сын служанки. Если я сдам экзамены на *гражданский чин*, то не смогу служить даже мелким *чиновником*, и даже если бы я сдал военные экзамены, мне все равно не довелось бы принести пользу государству» («Верная Чхунхян» 1990, 273).

Образование – неотъемлемое условие получения *должности* и происхождения по карьерной лестнице. «Вначале образованности придавалось очень большое значение, и всякое лицо, занимавшее сколько-нибудь значительную *должность*, обязано было иметь *ученую степень*. Однако с течением времени для представителей богатых и знатных

семей экзамены стали простой формальностью, необходимой для получения *должности* или *ученого звания*, и в конце концов дело дошло до открытой продажи дипломов (при ване Хёнчжоне, 1834 г.)» (Ким Чегук 2004, 173).

«– У нас в деревне и онмун-то мало кто знает, а уж о китайском письме и говорить не приходится, – вздохнул я. – Вот уж поистине здорово было бы знать иероглифы! Был у нас в деревне один человек, который знал тысячу иероглифов. Так он стал *сёвоном* и прославился своим богатством! А другой мог читать “Краткую историю”. Тот сделался настоятелем конфуцианского храма, получил *ученую степень* на экзаменах!.. В Сеуле нет никого, кто бы не знал иероглифов, а в провинции люди не знают даже онмуна! А неграмотный разве может называться человеком?» («Восточная новелла» 1963, 49).

В корейской литературе перечисляются некоторые правила занятия *должностей*:

«Существовали жесткие правила занятия *должностей*, деление на высших и низших было очень строгим... Количество людей, принимаемых на службу, было весьма ограниченным. О вновь назначенном *чиновнике* говорилось: “допускается к участию в управлении”. И только по прошествии более чем десяти дней ему разрешалось занять место рядом с другими *чиновниками* ведомства, но ему непременно заявляли: “Ставь угощение!” И делалось это совершенно открыто» (Сон Хён 1994, 41).

В корейской литературе подробно описывается «идеальная» карьера корейского мужчины прошлого с перечислением всех возможных *должностей*:

«Он у меня сначала сдаст экзамен на *должность* и получит “*чинса*” – магистра наук. Затем его ждет *должность* “*чикбу*” – после того, как он сдаст экзамены и будет допущен пред королевские очи, чтобы сдать последний, самый главный экзамен на *должность*. И только потом он получит *должность чиновника тринадцатого ранга* в королевской канцелярии “*чусо*”, а затем *должность составителя королевских указов* – “*ханримхакса*”. А после всего этого его ждет дальнейшее восхождение на более высокие уровни, где ждут его *ранги* заместителя приемщика королевских указов “*пусынджи*”, первого приемщика королевских указов “*часынди*”, старшего приемщика королевских указов “*досынди*”. А после того, как супруг побудет в *должности ревизора восьми провинций* – “*пхальдо панбэк*”, он займет *должности* “*каксин*” – чиновника в кабинете министров, затем “*тэгё*” – руководителя церемониалов. И по мере того, как пройдет церемония назначения в Государственном Совете, мой любимый супруг получит *должность третьего ранга* “*дэдехак*” – высшую в королевской палате ученых и в секретариате управления

делами короля. Затем он будет *чиновником пятого ранга* в ведомстве конфуцианского просвещения “*тэсасонг*”. Ну, а потом станет первым заместителем председателя государственного совета “*чвасанг*”, вторым заместителем председателя государственного совета “*усанг*” и, наконец, займет *должность “ёнгсанг”* – Председателя Государственного Совета. После его назначат в королевский тайный архив – “*кючжангак*”. Потом он займет высший государственный пост “*вельпхальбэк*”, под началом которого будет три тысячи подчиненных в монаршем аппарате и восемьсот внешних подчиненных в провинциях. Тогда он станет опорой престола и столпом отечества – мой дорогой, добродетельный, трудолюбивый супруг» («Сказание о Чхунян» 2003, 71; 74).

Чиновнику или ученому того времени необходимо было работать над собой, чтобы усовершенствовать свой характер. В художественной литературе упомянут способ достижения этого, своего рода «рецепт», хотя многое из этого описания представляет для большинства русскоязычных читателей лакуны, например, ссылка на иероглифы.

«– Исправить свой характер не так и трудно, – сказал я. – Раньше я тоже быстро раздражался и как ни хотел быть поспокойнее, ничего не получалось. А в одно прекрасное утро вдруг понял, как следует поступать. Когда меня охватил гнев, я подумал об иероглифе “ин”, который обозначает “сдержанность”, и гнев сразу же пропал. Тогда я записал девять разных иероглифов, о которых следовало бы помнить, и выучил их наизусть!.. Едва у меня появляется какое-нибудь недоброе чувство, я сразу же вспоминаю иероглиф “чжон” – “справедливость” и подавляю в себе это чувство. Если же я испытываю прилив самомнения, то тут же вспоминаю иероглиф “кён” – “скромность”, и он помогает мне побороть надменность. Почувствовав приступ лени, я вспоминаю иероглиф “кын” – “трудолюбие” и легко одолеваю лень. Иногда у меня появляется стремление к роскоши. Но стоит лишь подумать об иероглифе “кём” – “умеренность”, как желание роскошно жить пропадает. Бывает, что у меня возникает тяга к стяжательству. Я вспоминаю иероглиф “ый” – “честность” и не поддаюсь этому этому низменному желанию. Часто, с кем-нибудь разговаривая, я вспоминаю иероглиф “мок” – “молчание”. Он помогает мне не говорить лишнего. Подумаю об иероглифе “ун” – “уважение”, я подавляю в себе желание посмеяться над кем-либо и не проявляю непочтительности. А когда впадаю в гнев, вспоминаю иероглиф “ин” – “прощение” и не совершаю необдуманных действий!» («Восточная новелла» 1963, 61).

Принципы этики и морали

Корейское средневековое *чиновно-бюрократическое общество* прочно стояло на заимствованных из китайской культуры принципах

этики и морали, сформулированных еще Конфуцием, и как считалось, присущих «благородному мужу» (*кунджю*). Среди этих принципов основными были такие, как преданность правителю, государству; верность другу и соратнику; сыновняя почтительность; грамотность, культура; человеколюбие, добродетель. Именно эти конфуцианские принципы, как и некоторые другие, определяли облик *корейского чиновника* в целом и впоследствии сформировали совокупный облик идеального *государственного чиновника* (см. об этом [Хазизова 2003: 127]).

По конфуцианскому учению, человек является членом семьи, общества и государства и, таким образом, состоит в пяти определенных человеческих отношениях: отношения между родителями и детьми, между государем и подданными, между мужем и женой, между старшими и младшими и между людьми, не связанными родством и стоящими на одинаковом социальном уровне. Идеальное урегулирование этих отношений должно быть основано на *сяо* (кор. *хё*) – ‘сыновьей почтительности’, которое конфуцианство считает первообразом всяких человеческих отношений, так же как семья является первообразом общества и государства. Выражением *сяо* являются пять нравственных качеств: доброта, прямота мыслей, безупречность поведения, обладание познаниями и честность, почтительность детей к своим родителям должна сохраняться и после смерти последних. Поэтому конфуцианство в Корее сохранило очень распространенный среди народов Восточной Азии культ предков, придав ему лишь определенную форму и предписав совершение в честь предков жертвоприношений. По родителям предписывался длительный (трехлетний) суровый траур. «... Дети носили траур по отцу или матери в течение трех лет, справляя малые (в первую годовщину смерти) и большие (во вторую) поминки, совершая жертвоприношения, соблюдая строгий пост, нося одежду из грубого невыделанного холста и т. д. На время траура *чиновники* освобождались от службы, а преступники (за исключением приговоренных к смертной казни) выпускались из тюрем. Особое внимание уделялось уходу за могилами и жертвоприношениям душам покойных родителей» (Ким Чегук 2004, 177; 175).

Некоторые принципы сформулированы в художественной литературе:

«Поэтому он сумел [хорошо] проделать все [необходимые] обряды и после того, как похоронили батюшку в благоприятном месте, находился дома и [строго] соблюдал траур» (Там же, 100).

Знаки отличия корейских чиновников

У корейских *чиновников* были свои знаки отличия, которые подробно описаны в корейской художественной литературе. Это и неизменные

атрибуты чиновника: драгоценный зонтик, который в Корее и Китае обычно вручал государь чиновникам при назначении их на должность: «Государь пожаловал каждому драгоценный зонтик, платье и пояс» («Корейские предания...» 1980, 52); табличка из меди для получения лошадей на станциях, на лицевой стороне вырезалась государственная печать, а на оборотной – число лошадей, которое полагалось выдавать по ней, и место, до которого она действительна (см. «История о верности...» 1960, 664) и латунный жезл, который выдавался ревизору для контроля мер в провинциях» (Там же, 647): «Мон Нёну выдали платье чиновника, табличку для получения лошадей на станциях и латунный жезл» (Там же, 109), а также дощечки (нефритовые, бамбуковые или из слоновой кости) для записи распоряжений («Роза и Алый Лотос» 1974, 410) с указанием должности и звания, которые носили на поясе высокопоставленные чиновники (см. «Записки» 1985, 454): «На четвертый день император показался в дверях дворца: на нем были парадный головной убор и алый шелковый халат, в руке – нефритовая дщица для записи повелений» («Сон...» 1982, 372); шкатулка с печатью, удостоверявшей достоинство чиновника, которую он должен был носить на поясе: «Один потерял шкатулку с печатью» («Верная Чхунхян» 1990, 108); «золотую печать имел первый советник трона»; «... если все будет благополучно, я добьюсь успеха и торжественно вернусь к тебе с золотой печатью на поясе» (Ким Ман Чжун 1961, 377; 151).

Наиболее выдающиеся заслуги подданных записывались в памятную книгу, которая имела переплет из металла, – Железную книгу («Жизнеописание...» Записки 1985, 452):

«Поэтому основатель династии Тай-цзу оценил его поведение как в высшей степени достойное и повелел сделать запись о его подвиге в Железной книге» («Записки...» 1985, 182).

Одежда

Общеизвестно, что статус человека, чиновника зачастую узнается по внешним признакам. Таким внешним признаком становится его одежда. В Пэкче, например, чиновники носили одежду темно-малинового цвета. Шесть высших рангов в качестве знаков отличия имели серебряные цветы на шляпе, а остальные различались по цвету пояса: седьмой ранг – темно-красный, восьмой – черный, девятый – красный, десятый – зеленый, одиннадцатый-двенадцатый – желтый, тринадцатый – шестнадцатый ранги – белый (в Когурё чиновники носили шляпы черного и темно-красного цвета с птичьими перьями и украшениями из золота и серебра) (см. об этом [Волков 1999: 80]).

Непременным атрибутом корейского *чиновника* была шляпа. Информация о разного рода шляпах содержится в художественной литературе:

«Дальше стоит придворный церемониймейстер. На голове у него *шелковая шапочка, поверх платья парадный пояс*. Два плата, с парой вышитых на каждом журавлей, свисают на спину и на грудь. *На шляпе* его по четырем углам красуются четыре белых тигровых уса, а сзади – синие крылышки» («Корейские повести» 1954, 141-142); «... откуда-то с высоты небесной спустились двое – с виду *чиновники*, в синих одеждах, в *крылатых шляпах “покту”*» (Ким Си Сып 1972, 100).

Пояс в одежде *чиновника* тоже играл определенную роль. Существовало специальное учреждение, ведавшее королевским платьем (см. «Черепашковий суп» 1970, 234). В годы Чжэн-дэ ведомством Саныйвон был введен для ношения государем пояс, украшенный пластинками из рога носорога (см. «История цветов» 1991, 237). Сведения об этом встречаются в художественной литературе:

«Присутствует вся королевская свита: министр военной палаты, командующий пятью столичными полками, распорядитель королевских кортежей с придворной своей шпагой, персонал канцелярии его величества. Все в придворном наряде: *в парадных шапках и халатах, в поясах, отделанных носорожьей костью или украшенных нефритом*» («Корейские повести» 1954, 141-142).

В художественном произведении подробно описывается одежда и обувь *чиновников-спутников ревизора* и *посыльных*:

«А Моннён дал сигнал своим спутникам. Посмотрите-ка на них! Вот они кликнули *посыльных* с почтовых станций, пошептались с ними то здесь, то там. А как выглядят эти спутники ревизора и *посыльные*! На них *шелковые головные повязки, шляпы* на глаза надвинуты, а на ногах *бумажные носки и соломенные сандалии*. Сами *в полотняных шароварах и халатах с длинными рукавами*, все с дубинками длиною в шесть мо на шнурах из оленьей кожи. Улицы Намвона так и кишат ими. Взгляните-ка на *посыльных* из Чхонпха! Будто лучи солнца сверкнули у них в руках *латунные знаки*, круглые, как луна» («Верная Чхунхян» 1990, 107-108).

Транспортные средства

В литературе указываются транспортные средства, на которых ездили *чиновники* прошлого:

«Наш король ездит в королевском *паланкине*. // Председатель государственного совета и два заседателя – на одинаковых *повозках-пхёнгёдя*. // Начальник ведомства военной подготовки также ездит на *повозке*. // Военачальники каждого уезда – в тяжелых *паланкинах*, уста-

новленных на спины лошадей. // Намвонский градоначальник – в повозке» («Сказание о Чхунхян» 2003, 75).

Времяпрепровождение чиновников

В художественной литературе упомянуто и времяпрепровождение *чиновников*:

«В те времена у высоких министров было в обычае приглашать друг друга в гости – поиграть от скуки в падук. При этом во множестве выставлялись великолепные вина, подавались роскошные закуски» («История цветов» 1991, 227).

Передвижения чиновников

Зачастую некоторые отрывки в художественном произведении, напоминают Хроники династии Чосон, изобилующие невероятными подробностями из жизни того или иного *чиновника*. В отрывке содержится подробный маршрут *чиновника*, калейдоскоп географических названий – городов, селений, в которые он заезжал, проезжал мимо или останавливался:

«Простившись с родителями, вновь испеченный *ревизор* отправился в Чолла. Выйдя за большие Южные ворота с двумя *чиновниками* и слугой под началом, он взял лошадей на станции Чхонпха и двинулся в путь. Быстро миновал семь-восемь придорожных столбов-указателей, переправился через понтонный мост, пронесся через предместья Папчон и Тончжак и, перевалив через горы Намтхэрён, отобедал в Кванчхоне. Дальше его путь лежал через Сагын и храм Майтрейи, а в Суване он заночевал. Назавтра проехал мост Тэхван, местечки Пёнчхон, Чинги и отобедал в Чинви. Затем дорога повела его через Чхильвон, Соса, мост Эго и Сонхван, где он остановился на ночлег. Назавтра Моннён проехал Верхний и Нижний Ючхон, пообедал в Чхоннани и, миновав развилку дорог, перебрался через гору Тори, после чего на станции Кимчже переменил лошадей. Быстро проехав Старый и Новый Топхён, заночевал в Вонтхо. Назавтра остались позади беседка Восьми Ветров, школа для стрелков из лука, Кванчжон и Моровон. Возле Конджу он переправился через реку Кымган и отобедал в Кымёне. А потом по прямой дороге ехал на Согэмун, Омиволь и Кёнчхон, где и заночевал. Назавтра он миновал Носон, Чхонхо, Сагё, Ынджин, беседку Царских Цветов и, перейдя гору Чанэми, остановился на ночлег в Ёнсане...» («Верная Чхунхян» 1990, 92).

Карьера чиновника

В жизни *чиновника* бывают взлеты и падения:

«Чиновник полон рвения и восторга, // За чин готовый головою в петлю. // Резвится в солнечных лучах удачи, // Как мальчик без штанов на берегу. // Когда же солнце тучами закрыто, // Он ежится, от холода дрожа» («Отражения» 1987, 57).

Не все чиновники хотят продолжать службу:

«Вчера сказать изволил государь, // Что стану я великим человеком. // Но этого совсем не надо мне – // Останусь средь людей обыкновенных...» («Отражения» 1987, 39).

Разочаровавшись, чиновник оставляет службу, мир «суеты» и уходит в отшельники:

«Я здесь, как отшельник древний, // Сущность вещей постигаю, // И передо мной природа // Свой раскрывает лик. // И я становлюсь мудрее, // И я становлюсь счастливей // Под покровительством духов // Неколебимых скал. // Душа чиста и покойна, // Свободна от всех печалей, // Горным воздухом чистым // Грудь моя дышит легко... // И с каждым днем все прекрасней // Мир, открывшийся мне. // Остаться бы здесь навеки, // Рыбу удить ночами // Или на горном склоне // Поля пахать клочок!.. // Не книжник я, не философ, // Но это не променяю // Даже на должность министра // При сеульском дворе. // Глупцом меня назовите, // Смейтесь, но я презираю // Богатства и пышной славы // Лазурные облака» («Отражения» 1987, 133).

Соломенная шляпа и плащ из травы – одежда чиновника, навсегда покинувшего мир «суеты» и ставшего отшельником:

«Плащ из травы, соломенную шляпу // Могу я, верно, и не надевать? // Наряд придворный навсегда я сбросил, // И больше, дождь, я не боюсь тебя!» (Чон Чхоль 2009, 39).

Чины, чиновничество в корейском языке

Упоминание о службе чиновников встречается в образном сравнении:

«Я стала наложницей, и для меня теперь оставить дом и мужа – все равно, что для чиновника на службе забыть страну и государя» («История о верности...» 1960, 93).

В текстах художественных произведений отмечены речения фразеологического характера (РФХ), так или иначе связанные с карьерой чиновников:

Лазурное облако означает ‘путь почестей’; белоснежное облако – это ‘жизнь вне мира суеты’ («Классическая поэзия...» 1977, 875):

«Ты облако лазурное лелеешь; // Мне белоснежное – милей всего. // Твоя отрада знатность и богатство; // Мне по сердцу и бедность и покой» (Там же, 461).

РФХ *высоко подняться на лазоревом облаке* имеет значение ‘преуспеть по службе, сделать карьеру’ («История о верности ...» 1960, 647):

«... *высоко поднимитесь на лазоревом облаке!*» (Там же, 118).

Сталкиваясь с подобным РФХ *об облаке*, русскоязычному читателю трудно понять, что речь здесь идет об успешном продвижении по службе. Ему трудно уяснить себе «не столько соотносимость компонентов этого идиоматического выражения, сколько лингвистическую ситуацию, ту точку зрения, которая должна была существовать, чтобы могло возникнуть такое речение» [Сорокин 1977: 169]. Носитель русского языка привык представлять себе *облака* как место, где кто-либо может пребывать в мечтательном состоянии (ср. русск. фразеологическая единица (ФЕ) *витать в облаках*).

В корейских ФЕ и РФХ очень часто присутствует компонент *дракон*. Так, РФХ *войти во Врата дракона* имеет значение: ‘сделать карьеру, прославиться’ («Сказание о госпоже Пак» 1960, 491). В основе ФЕ *достичь Врат дракона* лежит предание: если рыбе удавалось подняться через пороги к верховьям реки Хуанхэ до Драконовых ворот, то она превращалась в дракона. Выражение стало в литературе образным, означающим ‘выдержать экзамен, сделать карьеру, прославиться’ («Верная Чхунхян» 1990, 381). В корейской метальности *дракон* олицетворяет королевскую власть, могущество:

«Принадлежал он к знатнейшему роду, в веках прославленному своими выдающимися деятелями и сам уже с ранних лет *достиг Врат дракона*» («Сказание о госпоже Пак» 1960, 191).

Китайское РФХ *сломить ветку корицы* (чжэ гуэй) звучит так же, как «стать знатным», поэтому данное выражение употреблялось для поэтического обозначения сдачи государственных экзаменов, восходит к традиции, существовавший в средневековой Корее, украшать шляпу коричневым цветком того, кто первым успешно сдал экзамен на *чин*, что открывало путь к высшим постам на административной лестнице (см. об этом [Троцевич 1975: 182]; «Жизнеописание...» 1985, 455):

«Он *сломал ветку коричневых цветов*, которые достались ему так неожиданно» («Ссяньчхон кыйбонь» 1962, 36).

РФХ *сто лет не могла выдержать экзамен* – образное выражение, обозначающие большие трудности, которые пришлось преодолеть человеку для достижения своей цели – выдержать экзамены, получить должность и т. д. («Черепеховый суп» 1970, 240).

«В конце концов Сок Кэ сделалась самой знаменитой певицей в столице, и о ней стали говорить как о великой певице, которая *сто лет не могла выдержать экзамен*» («Черепеховый суп» 1970, 110).

РФХ *снять шелковый наряд* имеет значение: ‘подать в отставку’ (Чон Чхоль 2009, 141).

С *чинами* образовано большое количество пословиц. В пословицах подтверждается важная роль *чина* в корейском обществе:

«Послушай-ка, в пословице сказано: “*При дворе первое дело – чин, а в деревне – старшинство*” («Роза и Алый Лотос» 1974, 357).

В ряде пословиц прослеживается так называемый «кодекс чести и поведения» *чиновников* древней Кореи (пословицы приводятся по книги Лим Су «Золотые слова корейского народа» 2003, 40-41):

Чиновник не должен быть алчным; Чиновник не должен быть падким до денег; Если чиновник ведет себя сдержанно, его авторитет повышается; Чиновник должен остерегаться гнева и грубости; Продвигаясь по службе, становись скромнее; Чиновник на службе должен быть справедливым.

В то же время в пословицах высмеиваются пороки *чиновников* того времени:

Чиновники используют закон по-своему; Чем выше положение чиновника, тем [он] ленивее и недобросовестнее; Если долго служить, сам собою станешь богачом; Тот, кто сидит на высоком берегу, трусоват; Поднесет тебе чиновник рюмочку вина, а сдерет три сома риса и мн. др.

Продвижение по службе иногда негативно влияет на *чиновников*, поведение их меняется:

Когда зарабатываешь много денег – купаешься в роскоши, а когда получаешь высокий чин – становишься надменным; Когда зарабатываешь деньги – меняешь друга, когда получаешь чин – меняешь жену.

Итак, в произведениях средневековых авторов нашла отражение существовавшая во времена феодальной Кореи социальная иерархическая лестница. Подавляющее большинство лексем этой группы является историзмами и встречается в основном лишь в текстах средневековых произведений. С ними образовано большое количество фразеологизмов, пословиц и поговорок. Эти *кореизмы* несут тот «национальный заряд», который придает тексту перевода национальный колорит.

Л и т е р а т у р а

- Верная Чхунхян. Корейские классические повести повести XVII–XIX веков. М.: Художественная литер., 1990.
- Волков С.В. Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М.: «Восточная литература», РАН, 1999.
- Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М.: «Наука», Гл. ред. восточ.литер., 1987.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2011. – Вып. 43. – 110 с. ISBN 978-5-317-04050-5

- Восточная новелла. М.: Изд-во восточ. литер., 1963. С. 40-62.
- Жизнеописание королевы Инхён. // Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. М.: Худож. литер., 1985. С. 65-105.
- Записки о добрых деяниях и благородных сердцах. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1985. С. 105-246.
- Монова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, Гл. ред. восточ. литер., 1982.
- История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960.
- История цветов. Корейская классическая проза. Л.: Худож. литер. (Ленингр. отд.), 1999.
- Ким Ман Чжун. Облачный сон девяти. М.-Л.: Гос. изд-во худож. литер., 1961.
- Ким Си Сын. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой Черепахи. М.: Худож. литер., 1972.
- Ким Чезук. Корейские новеллы. СПб: Петербургское востоковед, 2004.
- Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии. М.: Худож. литер., 1977.
- Корейские повести. М.: ГИХЛ, 1954.
- Корейские предания и легенды из средневековых книг. М.: Худож. литер., 1980.
- Лим Су. Золотые слова корейского народа. СПб.: Изд-во СПб. университета, 2003.
- Отражения. М.: Изд-во «Наука». Гл. ред. восточ. литер., 1987.
- Повести страны зеленых гор. М.: Гос. изд-во худож. литер., 1966.
- Повесть о Чёк Сёные (Чёк Сёный Чён). СПб.: Петербург. фил. Ин-та востоковедения РАН, 1996.
- Роза и Алый Лотос. Корейские повести (XVII–XIX вв.). М.: Худож. литер., 1974.
- Сказание о госпоже Пак // История о верности Чхун Хян. Средневековые корейские повести. М.: Изд-во восточ. литер., 1960. С. 491-547.
- Сказание о Чхунян. М.: «Бонфи», 2003.
- Сон в нефритовом павильоне. М.: Худож. литер., 1982.
- Сон Хён. Гроздь рассказов Ёнчжэ // Петербургское востоковедение. СПб.: Центр Петербург. Востоковедение, 1994. Вып. 5. С. 25-109.
- Сорокин Ю.А. Роль этнопсихолингвистических факторов в процессе перевода // Национально-культурная специфика речевого поведения. М.: Наука, 1977. С. 166-174.
- Ссяньчхон кыйбонь (Удивительное соединение двух браслетов). М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
- Троцевич А.Ф. Корейская средневековая повесть. М.: Наука. Гл. ред. восточ. литер., 1975.
- Черепаховый суп. Корейские рассказы XV–XVI вв. Л.: Худож. литер., 1970.
- Чон Чхоль. Одинокий журавль. Из корейской поэзии XVI века. М.: «Рипол Классик», 2009.